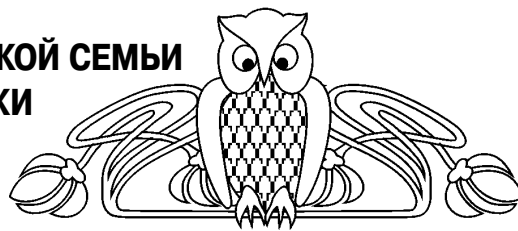

УДК 316.334.2

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ РОЛИ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Т. В. Смирнова, О. В. Понукалина

Смирнова Татьяна Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Саратовский медицинский университет «Реавиз», smirnovasara@mail.ru

Понукалина Оксана Викторовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, okspo@lis.ru

В статье рассматривается изменяющаяся роль семьи при осуществлении социальной мобильности и выборе ее направления молодыми людьми. Авторы, используя институциональный подход к исследуемому явлению, приходят к выводу, что институциональные детерминанты сегодня обладают большим влиянием и воздействием на возможности социальной мобильности российской молодежи, чем личные ресурсы молодого человека. Влияние социальных институтов, в частности института семьи, продолжает усиливаться, закрепляя социальное неравенство. Принадлежность к высокостатусной семье создает условия для дальнейшего самостоятельного конструирования нового статуса. Низкостатусная семья способствует иммобильности либо нисходящей мобильности молодого поколения. В современной ситуации статус родительской семьи не передается по наследству детям, но он позволяет обеспечивать доступ к разного рода ресурсам, благодаря чему возникают условия для построения самостоятельной жизненной траектории молодого поколения. Это происходит, в первую очередь, через обращение к системе образования, традиционно считающейся важнейшим фактором, одним из социальных лифтов, детерминирующих социальную мобильность. Существенно влияние семьи и на профессиональное самоопределение детей, и на построение их карьерных планов, и на формирование неких семейных проектов, передающихся по наследству. Значимой для анализа детерминант молодежной мобильности продолжает оставаться территориальная локализация семьи.

Ключевые слова: мобильность, молодежь, семья, трансформации, институциональные детерминанты.

Changing the Role of the Parental Family the Social Mobility of Youth in Russia

T. V. Smirnova, O. V. Ponukalina

Tatyana V. Smirnova, ORCID 0000-0001-8117-9089, Saratov Medical University «Reaviz», 1 A, Degtyarnaya Sgr., Saratov, 410076, Russia, smirnovasara@mail.ru

Oksana V. Ponukalina, ORCID 0000-0003-4348-7296, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya Str., Saratov, 410031, Russia, okspo@lis.ru

There is analysis of social mobility of Russian young people in the article. The authors analyze modern scientific literature on this topic

Influence of macro-factors prevails over personal resources of a young man. So families try to compensate this. As a result, a family acts as strengthening instrument of social inequality. Young people from high-status families have opportunities for social growth. Young people from low-status families are often immobile. Of course, the status of the parental family is not inherited by children. But it allows you to provide access to resources. And it's easier for young people to build their own lives. This happens primarily through the education system. Education is a powerful social elevator. Family significantly affects the professional self-determination of children. The family influences the career plans of children. The analysis of youth mobility takes into account the territorial localization of the family.

Key words: mobility, young people, family, changing, institutional determinants.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-140-145

Проблемы молодежи как особой социально-демографической группы, статус которой определяется переходом от детства и юности к социальной зрелости и связанной с ней ответственности, традиционно не теряют своей актуальности во всех сферах гуманитарного научного знания. Социальная мобильность молодежи складывается под воздействием целого ряда факторов. Факторы макроуровня связаны со структурными изменениями экономической, демографической, социальной, политической сфер общества и создают условия, которые могут либо способствовать, либо препятствовать социальному развитию и продвижению представителей молодого поколения. Микрофакторы связаны с индивидом и определяются его ресурсообеспеченностью, психологическими и психосоциальными характеристиками¹. Таким образом, молодежь в контексте исследования социальной мобильности выступает не только субъектом – действующим актором, но и объектом воздействия сложившихся социально-экономических условий. Вопрос о том, что же является определяющим при достижении новых статусных позиций, восхождении от предписанного статуса – существующая социальная структура или интенции самого человека, система или актор, – до сих пор не утрачивает остроту.

Институциональный подход к исследованию детерминант молодежной мобильности в современном российском обществе позволяет осуществить анализ и раскрыть взаимосвязь факторов влияния макро- и микроуровней. Исходя из особенностей молодежи как социально-демографической группы, целесообразно

обратиться к рассмотрению трансформаций социальных институтов в их преломлении к проблеме. Особой значимостью для решения поставленных исследовательских задач обладают семья и образование как институциональные детерминанты молодежной мобильности. Данные детерминанты, во-первых, фиксируют проблемы неравенства, формирующиеся на жизненном старте человека, во-вторых, имеют прямое отношение к абсолютному большинству юношей и девушек (в отличие от, например, институтов церкви, армии), в-третьих, эти институты имеют высокую степень взаимного влияния и переплетений. При этом предполагается рассматривать выделенные детерминанты не в качестве отдельно функционирующих элементов общественной структуры, а во взаимосвязи между собой и взаимодействии с другими факторами. Такой подход дает возможность анализировать институциональные детерминанты молодежной мобильности как многофакторную систему с обратной связью – не через поиск причин и обоснований приобретения молодым человеком определенного социально-профессионального статуса, а как внешние обстоятельства, макрофакторы, которые, находясь в непрерывном тесном взаимодействии и взаимовлиянии, повышают или понижают вероятность восходящей мобильности для конкретного человека.

Согласно П. Сорокину, каждый канал социальной мобильности обладает системой «сит» для отбора соискателей тех или иных статусных позиций, которые могли бы осуществлять профессиональные и не только профессиональные функции наилучшим образом². Без принципа селекции работа каналов социальной мобильности теряет всякий смысл. В первую очередь, по справедливому утверждению П. Сорокиной, таким «ситом» является семья. В любом обществе «хорошее происхождение» воспринималось и воспринимается как положительная рекомендация, свидетельствующая о высокой вероятности определенных предсказуемых личностных качеств и установок, привитых в семье³.

Концепция культурного капитала П. Бурдьё предлагает собственное обоснование взаимосвязи культурных ресурсов семьи и занятия представителями молодого поколения определенных статусных позиций в социальной иерархии. Анализируя причины различия в возможностях и успехах человека на жизненном старте, уже в школьном образовании, П. Бурдьё приходит к выводу о наследственной, внутрисемейной передаче привилегий как методу консервации неравенства, способствующему легитимизации уже существующего порядка. В случае удачной реализации метода индивид убеждается, что лучшая участь для него – это держаться за то место, которое выпало от природы, дорожить им⁴. Закрепление неравенства в обществе происходит и посредством поколенческого воспроизведения

культурных ценностей, в частности, через воплощение больших возможностей родителей благополучных классов для продвижения образовательной деятельности детей⁵.

В настоящее время многие исследователи фиксируют усиление роли семьи при формировании маршрутов мобильности молодежи. Д. Берто и И. Берто-Вьям выделяют в качестве основного элемента социальной мобильности и стратификации не столько самого индивида, сколько его семью и семейную историю⁶. Авторы приходят к выводу, что статус человека и возможности его развития зависят во многом от исходной позиции статуса родительской семьи в структуре общества, а не определяются только профессией и личностными качествами, ценностями и ориентирами индивида. В современном мире статус не переходит напрямую от родителей к детям, но через обеспечение доступа к культурным, экономическим, социальным ресурсам возникают условия для дальнейшего самостоятельного конструирования этого статуса.

Российские исследователи О. Шкаратан и Г. Ястребов отмечают постоянное возрастание роли семьи в накоплении капиталов молодыми поколениями, акцентируя внимание на усилении значимости передачи детям культурных ресурсов наряду с материальными⁷. И. Попова связывает профессиональные выборы молодежи с воспроизводством социального статуса семьи, сложившегося через устойчивые стратегии восходящей социальной и профессиональной мобильности родителей⁸.

Изменение значения и вклада родительской семьи при формировании маршрутов социальной мобильности отражено в исследовании Н. Тихоновой⁹. Во второй половине 1990-х гг. россияне идентифицировали (оценивали) собственный социальный статус, опираясь на следующие позиции: место работы (включая тип собственности предприятия – частное или государственное); регион проживания; физические характеристики (возраст, пол, здоровье); габитус-установки (достижительные или конформистско-патерналистские); поведенческие стратегии (дополнительное обучение и переобучение, смена специальности). По прошествии 15 лет (2013 г.) факторы самоидентификации и самооценки своего статуса значительно изменились. Главное изменение состояло в том, что сразу после самооенок материального благополучия и связанных с ним возможностей потребления (первые две позиции) для самооценки статуса был выдвинут новый фактор – статус родительской семьи. Значимым стал уровень образования родителей, причем с ростом социального статуса респондентов увеличивалось значение этого фактора.

Если в 1990-е гг. человек, опираясь на личные качества, имел возможность трудоустроиться в частном секторе (престижность такой работы подкреплялась более высокой оплатой труда),

то сегодня перспективные должности в основном получают выходцы из статусных семейств. Сложившаяся ситуация повлияла на снижение значимости социально-психологических свойств личности для осуществления восходящей мобильности. Автор отмечает, что наличие достижительных мотиваций, специфика ценностных систем, а также тип локус-контроля практически потеряли свое значение для занятия статусных позиций. В таких условиях неизбежно возрастает роль социального капитала, а в преломлении к проблеме молодежной мобильности – роль культурного и социального капиталов семьи. Так, среди сегодняшнего студенчества стабильно низкий процент выходцев из рабочих семей (около 3–5%)¹⁰.

Объяснение представленным выводам можно дать с привлечением исследования Д. Берто, связавшего концепцию культурного капитала с социальным контекстом через рассмотрение трансмиссии социального статуса при трансформационных процессах в социуме¹¹. Автор приходит к заключению, что в стабильных обществах социальные связи становятся фоном культурного капитала семьи. Этот процесс имеет и обратное направление, в свою очередь, способствуя создавшей его стабильности. При социальных трансформациях, разрушении социального порядка значимость семейных ресурсов стремительно утрачивается и внезапно оказывается крайне низкой. Именно это и произошло в 1990-е гг. в России. Таким образом, отчасти последовавшая в дальнейшем стабилизация социальных процессов привела к возрастанию роли семьи в формировании направлений молодежной мобильности, которая наблюдается теперь.

Семья как «первое сито» осуществляет реализацию своих ресурсов для обеспечения достижения детьми определенного статуса и его дальнейшего роста, в первую очередь, через систему образования. Отметим, что образование традиционно считается важнейшим фактором, одним из социальных лифтов, детерминирующих социальную мобильность. Современный институт образования выполняет две взаимодополняющие функции – интеграционную (инклюзивирование различных социальных групп в систему норм, ценностей и традиций) и дифференционную (распределение по статусам, социальная мобильность, воспроизводство существующей социальной структуры общества)¹².

Уже на образовательном старте формируется парентократическая модель при профессиональном самоопределении и поступлении в учебное заведение, когда продвижение через институт образования находится в большей зависимости от аскриптивных характеристик молодого человека, нежели от его способностей¹³. Эта тенденция сформировалась на фоне массовизации высшего образования, которое воплотилось в виде многообразия вариантов его получения. Высшее

образование можно получить как в элитных вузах, так и в образовательных учреждениях низкого качества, созданных в ответ на завышенную потребность населения в образовательном продукте. Низкокачественные секторы образования, как правило, ориентированы на своего потребителя – первое поколение ориентированных на образование выходцев из необразованных семей нижних и средних слоев населения.

А. Согомонов обращает внимание на иные тенденции современного высшего образования, выделяя, с одной стороны, его необязательность для осуществления социальной мобильности молодого человека, с другой стороны, недостаточность обладания дипломом о высшем образовании для успешного продвижения в профессионально-деловой сфере¹⁴. В результате сосуществования этих двух явлений знания и навыки, полученные в вузе, применяются молодыми людьми опосредованно – в основном в качестве ресурса для саморазвития личности, а не в качестве приобретения и повышения профессионализма непосредственно на рабочем месте в русле полученной специальности¹⁵. Соответственно, трансформируется и отношение учащейся молодежи к образованию, которое начинает восприниматься как инструментальная, а не терминальная ценность¹⁶.

Такое положение вещей определяет дихотомию подходов к профессиональному выбору. Н. Касаткина выделяет деятельностно-активистский и конформно-патерналистский типы профессионального самоопределения молодежи. Деятельностно-активистский тип связан с преобладанием интереса к самой выбранной профессии, активностью в накоплении знаний, навыков и профессионального опыта для использования их в качестве ресурса восходящей мобильности. Молодые люди с деятельностно-активистской позицией ориентированы на трудоустройство по специальности, карьерный рост, большинство из них совмещают обучение в вузе с работой, связанной с выбранным направлением. Такой тип профессионального выбора характерен для молодых людей из высокоресурсных семей, обладающих значительным социальным капиталом. Как правило, это городские семьи, представители которых заняты в науке, образовании, здравоохранении. Как показали исследования, деятельностно-активистский тип демонстрируют менее 40% старшекурсников.

Реализация конформно-патерналистского типа профессионального выбора связана с доминированием адаптивных, приспособительных стратегий, обусловленных имеющимися возможностями, в частности, к получению образования. Такой тип профессионального выбора демонстрируют в основном представители низко- и среднересурсных семей. Молодые люди при этом заранее ориентируются на работу не по специальности, так как профессия не имеет

высокой ценности. Важными критериями являются зарплата и социальные гарантии. Согласно исследованиям Н. Касаткиной, конформно-патерналистский тип профессионального выбора характерен сегодня для 60% студентов.

Возрастание значения ресурсов родительской семьи для достижения определенных статусных позиций детьми расширяет и закрепляет неравенство жизненных шансов. Так, современные исследования фиксируют рост влияния уровня образования родителей на получение детьми образования, начиная уже со школы, особенно это касается элитного школьного образования¹⁷. Кроме того, установлено, что чем выше образовательный статус родителей, тем больший отклик имеют их рекомендации по выбору профессии¹⁸. Особенно значимо такое влияние при недостаточном осознанном выборе самого молодого человека. При этом исследования показывают, что важным фактором, характеризующим роль семьи в процессе профессионального самоопределения личности, является уровень взаимопонимания «отцов и детей» в семье, качество таких отношений¹⁹. В. Филоненко и А. Лепин приводят данные, подтверждающие преобладание в системе образования парентократической модели, в которой представления, пожелания и возможности родителей в процессе профессионального самоопределения и дальнейшего обучения доминируют над усилиями и способностями детей²⁰.

Сегодня можно констатировать тенденцию не столько простого усиления значимости семейных ресурсов в осуществлении социальной мобильности молодого поколения, сколько некой кристаллизации этого процесса. Так, Н. Александрова отмечает, что члены семьи посредством собственных ресурсов и совместных усилий оказывают влияние на профессиональное самоопределение и построение карьерных планов своих детей, формируя таким образом семейный проект²¹. Причем в семьях с высоким уровнем профессионализма такой семейный проект, как правило, осознан, тщательно продуман, подготовлен и обеспечен необходимыми социальными и экономическими ресурсами. Отметим, что обычно семейный проект такого рода связан с горизонтальной мобильностью внутри одного класса (по определению М. Вебера²²), что предполагает перспективы занятия в дальнейшем статусных позиций, близких родительской семье, при этом профессионально реализуясь в другой специальности. Вместе с тем в последнее время участилась реализация модели прямого наследования профессионального статуса²³. При этом особый интерес представляет выделяемый И. Поповой так называемый «окольный» путь к прямому наследованию профессии. Исследования с применением биографического метода показали, что в ряде случаев профессиональный выбор молодого человека начинается с протеста против повто-

рения семейной профессиональной истории, что провоцирует соответствующий выбор учебного заведения и получение новой для семьи специальности. Однако далее следовало возвращение к воспроизводству профессионального статуса одного из родителей (как правило, того, чей статус выше) через получение второго образования и построение карьеры в традиционном для семьи русле. Можно предположить, что формирование такой траектории связано со столкновением молодого человека с реальностью в виде закрытых каналов мобильности вне семейного направления. Этот факт и осознание того, что «самая короткая дорога – знакомая», обуславливают обращение и возвращение интересов молодого человека к модели прямого наследования семейного профессионального статуса.

Чрезвычайно значимой для анализа детерминант молодежной мобильности является территориальная принадлежность семьи. Экстраполяция на обсуждаемую проблематику концепции И. Валлерстайн о делении мировых систем на ядро, полупериферию и периферию с вытекающими из этого деления особыми возможностями и ограничениями для субъектов, проживающих на этих территориях, способствует пониманию и принятию места проживания семьи как фактора восходящей мобильности и неравенства²⁴. Проблема неодинаковых темпов социального и экономического развития столицы и регионов Российской Федерации обуславливает существование социально-экономических подсистем – центра и периферии. Семьи, принадлежащие к первой подсистеме, обладают более благоприятными условиями, что позволяет им накапливать и реализовывать человеческие, экономические, культурные и социальные ресурсы, а также стратегии успешной адаптации к реформам. Субъекты периферии, заведомо находясь в худшем положении, занимают нижние позиции социальной стратификации. Важно отметить, что такого рода различия наблюдаются на нескольких уровнях: Москва – регионы, областные центры – сельская местность, что перекликается с триадой И. Валлерстайна «ядро – полупериферия – периферия».

В. Филоненко отмечает, что критическим фактором поступления и обучения в вузе в настоящее время становится территориальная селекция, что приводит к росту гомогенности студенческой среды. Причем эта гомогенность, сам состав студенчества асимметричны социальной структуре местного населения в целом (80% студентов считают себя материально благополучными и только 1% респондентов указывают на бедственность своего материального положения). На примере г. Ростова-на-Дону показано, что в более престижные вузы областного центра поступают в основном выпускники школ города. Молодежь, окончившая сельские школы, как правило, поступает в вузы, находящиеся в небольших городах области, а также учебные за-

ведения аграрного направления. Территориальная селекция закрепляется и усиливается. Так, в Донском государственном аграрном университете доля выпускников сельских школ выросла до 54% с 18% в 2006 г.²⁵. Вызывает беспокойство тот факт, что молодые сельские жители, изначально испытывая ресурсный дефицит по принципу территориальной принадлежности, уже на жизненном старте сталкиваются с ограничениями социальной мобильности.

Очевидно, что обеспеченность ресурсами неодинакова в разных социальных группах. Как отмечает М. Буланова, в группах высоко- и среднеобеспеченных материально человеческие, социальные и культурные ресурсы обычно успешно конвертируются в экономический капитал, в отличие от представителей групп малообеспеченных и бедных, среди которых такая тенденция отсутствует. Если среди обеспеченных более 50% молодежи рассчитывают на карьерный рост, то для группы бедных характерна нисходящая социальная мобильность, в том числе от поколения к поколению. Так, 39% молодежи из бедных семей в течение пяти лет понизили свой социальный статус (обладатели дипломов вузов и техникумов работают на рабочих должностях или являются безработными). В этой же группе крайне высокий уровень иммобильности (58%)²⁶. Эти данные представляются исключительно важными. Как правило, исследователи молодежной проблематики сосредотачивают внимание на учащейся молодежи, выпускниках вузов и техникумов, молодых специалистах, фактически исключая из анализа менее благополучную молодежь. Однако следует отметить тенденцию – в современной России бедность и малообеспеченность становится привязанной к принадлежности к определенным классам²⁷. Исследователи фиксируют не просто существование российского низшего класса, но и завершение формирования его ядра – андеркласса. В настоящее время численность низшего класса составляет около 15% экономически активного населения страны²⁸. В рамках обсуждаемого вопроса значимым является факт наследственной передачи из поколения в поколение не просто предписанного низкого статуса, но и принятия соответствующих ценностей, ориентиров, традиций через первичную социализацию в этой социальной среде. Такое положение вещей делает не просто затрудненным, но практически невозможным осуществление восходящей мобильности молодежи низших слоев, которой остается только воспроизводить собственный статус либо осуществлять дальнейшую нисходящую мобильность.

Возрастание роли семьи в реализации социальной мобильности молодежи, конечно, не происходит случайно. Таким образом, общество реагирует на сужение каналов мобильности, «поломку» основных социальных лифтов. В ус-

ловиях дефицитарности выбора направлений и возможностей мобильности семья берет на себя решение усложнившихся задач: в лучшем случае – способствовать реализации потенциала молодого члена семьи, в худшем – обеспечить его простое выживание.

Примечания

- 1 См.: Буланова М. А. Социальная мобильность работающей молодежи региона : социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3 (56). С. 205–212.
- 2 См.: Сорokin П. А. Социальная мобильность. М. : Academia, 2005 (Sorokin P. A. Social mobility. N.Y. ; L. : Harper&Brothers, 1927).
- 3 См.: Чеснокова В. Ф. Уильям Л. Питирим Сорokin : социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 1. С. 116–130.
- 4 См.: Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство : элементы теории системы образования / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Просвещение, 2007.
- 5 См.: Goldthorpe J. H. On sociology : Numbers, Narratives, and the Integration of Research and Theory. Oxford : Oxford Univ. Press, 2000.
- 6 См.: Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род : трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопр. социологии. 1992. Т. 1, № 2. С. 106–122.
- 7 См.: Шкартан О. И., Ястребов Г. А. Социокультурная преемственность в российской семье (Опыт эмпирического исследования) // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 5–27.
- 8 См.: Попова И. П. Профессиональный выбор : влияние культурных ресурсов семей российских специалистов // Социс. 2013. № 11. С. 130–140.
- 9 См.: Тихонова Н. Е. Факторы стратификации в современной России : динамика сравнительной значимости // Социс. 2014. № 10. С. 23–35.
- 10 См.: Филоненко В. И., Лепин А. П. Семья как основной агент базовой социализации студентов вузов // Социс. 2013. № 6. С. 71–77.
- 11 См.: Берто Д. Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации // Судьбы людей : Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / отв. ред. В. Семенова. М. : ИС РАН, 1996. С. 207–232.
- 12 См.: Мосиенко О. С. Социальные функции института образования : теоретико-методологические подходы к исследованию // Изв. вузов. Сев.-Кавказ. регион. Общественные науки. 2012. № 2. С. 30–34.
- 13 См.: Касаткина Н. П. Неравенство культурного капитала и профессиональный выбор учащихся школ Республики Мордовия // Гармонизация социальных отношений в полиэтничном регионе : I Сухаревские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Саранск, 23–24 декабря 2011 г.) : в 2 т. / отв. ред. С. М. Вдовин ; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. Саранск, 2012. Т. 2. С. 38–40.

- ¹⁴ См.: *Согомонов А. Ю.* Кризис идентичности современного университета // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 3 (53). С. 116–130.
- ¹⁵ См.: *Власова О. И., Костина Н. Б.* Молодое поколение об устойчивости и изменчивости трудовой деятельности : опыт эмпирического исследования // *Социум и власть*. 2013. № 6 (44). С. 22–27.
- ¹⁶ См.: *Родионова А. В.* Работающий студент как социальный феномен // *Социология вчера, сегодня, завтра* : сб. ст. / под ред. О. Б. Божкова. Т. III. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства. Новые ракурсы. СПб. : Эйдос, 2011. С. 304–314.
- ¹⁷ См.: *Рощина Я. М.* Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // *Вопр. образования*. 2012. № 1. С. 257–277.
- ¹⁸ См.: *Преснякова Л. А.* Семейное воспитание : нормативные представления и социальные практики // *Социологические наблюдения (2002–2004)* / сост. А. А. Черняков. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2005. С. 351–379.
- ¹⁹ См.: *Сатыбалдина Е. В.* Семья в системе жизненных ценностей жителей среднего уральского города // *Социс*. 2011. № 7. С. 90–95.
- ²⁰ См.: *Филоненко В. И., Лепин А. П.* Указ. соч.
- ²¹ См.: *Александрова Н. А.* Профессиональное самоопределение подростков и юношества с позиции родительской семьи // *Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2011. № 4. С. 90–96.
- ²² См.: *Weber M.* *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie (1922) / Erster Teil: Die Wirtschaft und die gesellschaftlichen Ordnungen und Mächte / IV. Stände und Klassen*. URL: <http://www.textlog.de/7399.html> (дата обращения: 18.06.2017).
- ²³ См.: *Попова И. П.* Указ. соч.
- ²⁴ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем : современное системное видение мирового сообщества // *Социология на пороге XXI века. Новые направления исследований* / под ред. С. И. Григорьева (Россия), Ж. Коэнен-Хуттера (Швейцария). М. : Интеллект, 1998.
- ²⁵ См.: *Филоненко В. И., Лепин А. П.* Указ. соч.
- ²⁶ См.: *Буланова М. А.* Указ. соч.
- ²⁷ См.: *Мареева С. В.* Фокус социальной политики : бедные или низкоресурсные? // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9, № 2. С. 233–254.
- ²⁸ См.: *Тихонова Н. Е.* Низший класс в социальной структуре российского общества // *Социс*. 2011. № 5. С. 24–35.

Образец для цитирования:

Смирнова Т. В., Понукалина О. В. Трансформирование роли родительской семьи в социальной мобильности молодежи в России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 140–145. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-140-145.

Cite this article as:

Smirnova T. V., Ponukalina O. V. Changing the Role of the Parental Family the Social Mobility of Youth in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 140–145 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-140-145.